

УДК 801.81; 801.82

ПЛАНЕТНИКИ В ОРАВСКИХ И ПОДХАЛЯНСКИХ ВЕРОВАНИЯХ

Герард Гузьляк

адъюнкт кафедры теории литературы и искусствоведения

Института польской филологии

Университет Казимира Великого в Быдгощи

Polska, 85-064 Bydgoszcz, ul. Chodkiewicza 30, gegam@neostrada.pl

В регионах Орав и Подхалм среди местных старейшин сохранились до наших дней представления о планетниках как о существах, способных привлечь грозу или смягчить ее разрушительное действие. Планетники в соответствии с этими представлениями ездят на облаках, которые иногда воспринимаются как драконы. В зависимости от желания крестьян помогать им (например, давать пищу) эти существа могут уничтожить или защитить урожай. В данной работе рассматриваются свойства и особенности планетников, в том числе по отношению к традиции лоретанского колокольного звона. Фигуры планетников найти можно также в художественной литературе, что позволяет говорить о существовании топоса названия обычного человека планетником.

Ключевые слова: гроза; урожай; лоретанский колокол; планетник; дракон; Орава; Подхале; верования.

В давние времена, в связи с мифологическим восприятием мира, вера в планетников, которые влияют на погоду, была распространена более широко, сегодня же об их существовании свидетельствуют, в основном, рассказы, в которых они описываются более или менее подробно. Многие жители, являющиеся в настоящее время старейшинами оравских и подхалмянских деревень, слышали о планетниках. Несмотря на то что часть из них высказывает сомнения по поводу планетников, они также подтверждают наличие верований в апотропеичную силу этих существ и время от времени подбрасывают в уже собранную базу информации о планетниках собственную, услышанную когда-то версию. Стоит, следовательно, и здесь, применительно к более широким исследованиям лоретанского колокольного звона, защищающего людей от грозы и града в Ораве и на Подхале¹, упомянуть об особенностях описываемых существ. По мнению горцев, планетники находятся между полюсами добра и зла, причем когда-то они были однозначно положительными или отрицательными: их действия связаны с возможностью как предотвращать грозу и град, так и навлекать их на данный район. В принципе, создания эти амбивалентны, а их действия зависят от реакции того человека, у которого планетники просят пищу или же который

боишься возможной грозы. Планетники имеют антропоморфный облик – это хорошо сложенные мужчины, которые якобы, «возникли из внебрачных, некрещеных детей, задушенных преступными матерями»² [Ulanowska 1887: 70]. Случалось, что их принимали также за карающих духов, которые были обречены Иисусом Христом на вечное покаяние³ [Kolberg 1874: 49].

Во время полевых исследований я столкнулся с тремя позициями жителей Оравы и Подхале относительно планетников: 1) идентификация с верованиями предков и убеждение в реальном существовании людей, которые могли предотвратить ненастье (в двух местах мне было указано на одну и ту же конкретную личность, обладающую умением «заказать» погоду при помощи определенных знаков); 2) частичная, до конца не поддающаяся проверке, идентификация с верованиями предков (беседе часто сопутствовали лаконичные замечания, улыбка и сдержанность по отношению ко мне как к человеку, задающему вопросы); 3) своеобразная познавательная дистанция по отношению к верованиям в планетников, совмещенная с переданной мне информацией на их тему.

Несмотря на разные позиции относительно самих планетников, в основном горцы были уверены в возможности физического воздействия

звука лоретанского колокола на атмосферные явления. Эта вера основывается на убеждении в силе освященного предмета и в силе сопутствующей ему молитвы – чаще всего Лоретанской Литании Пресвятой Богородице. Она укрепляется также воздвижением в Ораве и на Подхале, особенно в 1928 г., ряда лоретанских колоколен. А связано это, вероятнее всего, с грозowymi бурями, которые тогда уничтожили урожаи и привели к голоду⁴.

При исследовании планетников возникает несколько проблемных вопросов. Касаются они статуса этих существ, их происхождения, влияния языческих верований на приписываемые им силу и связь с разнообразными мотивами. Дополнительно возникает вопрос, касающийся взаимодействий планетников с сакральной сферой, что связывается с возможным появлением фантастических, демонологических или апокрифических элементов в народной религиозности. Интересным дополнением к этой религиозности и своеобразным примером соприкосновения вымысла и верований являются также упоминания о планетниках, появляющиеся в литературном творчестве разнообразных уровней. Оказывается, что планетники и фигуры, обладающие похожими свойствами, появлялись как в заслуживающей внимания беллетристике, так и в массовой литературе, относящейся к жанру фантастики, которую можно найти в интернете.

Образы героев, связанные, возможно, только по принципу аналогии с образом планетников, это, например: главный герой новеллы и фильма Яна Якуба Кольского *Янчо Водяной (Jańcio Wodnik)*, который просит Бога только о небольшом дожде, а навлекает бурю [Kolski 1994: 117], а также шпион из Страны Дождевиков из повести Станислава Пагачевского *Похищение Бальтазара Губки (Porwanie Baltazara Gąbki)*, появляющийся в рассказе о вавельском драконе. Фабулярное сопоставление этого шпиона, одежда которого соответствует представлениям о костюме планетника (черная пелерина и шляпа)⁵, с драконом вызывает интерес потому, что именно дракон является наиболее близким планетнику животным из круга фантастической зоологии, которое он использует как транспорт. Однако между двумя этими существами дружбы нет, а есть попытка со стороны планетника добиться от «твари» повинения.

Согласно собранным во время полевых исследований данным, планетник путешествует на драконе, который является носителем бури, и от желания планетника зависит, атакует ли дракон данную местность или хозяйство, уничтожая аграрные культуры ее жителей, или же испражняется дождем или градом на соседний лес, не при-

чиняя никому вреда⁶. Ассоциация дракона с бурей обоснованна, т.к. среди туч, наблюдением за которыми в Ораве и на Подхале занимаются лоретанские звонари, приближающаяся туча с хвостом до земли (как бы напоминающая дракона) предвещала наибольшее опустошение⁷. О происхождении дракона от жабы или змеи, которые девять лет не могли слышать колокола, пишет Иоахим Трачык в статье *О драконах и планетниках (O smokach i planetnikach)*⁸ [Matyas 1893: 109]. Из размышлений автора следует, что планетник, который охотится за драконом для того, чтобы навьючить его градовыми тучами, связан с аграрной и охотничьей культурой [Traczyk 1895: 77]. Саму же потребность сбрасывания балласта тяжелых туч можно объяснить необходимостью ношения их планетниками на спине; о чем свидетельствует бабьегурское стихотворение Станислава Франчака *Планетники (Planetnicy)*⁹.

Связи планетников с тучами¹⁰ подтверждают рассказы об их тяжелой работе. Планетники, как замечает Стефания Улановска, сходят с небес на землю (или покидают крестьянские хозяйства) для того, чтобы заморозить пруды и из образовавшегося льда железными цепями вымолотить град, который они складывают в бочки и при помощи тросов транспортируют на облака. Затем они поднимаются в воздух при помощи своей тросточки, подбрасываемой вверх¹¹. Чтобы иметь силы для работы, во время которой используются веревки, планетникам необходимы болотные травы, которые обязательно должны расти в кустах, где их и надо собирать. Помогают они также при работе в воздухе во время перетягивания туч веревками. Тогда можно услышать также доносящиеся с неба крики: «Тяни! держи! не пускай!» [Czyżewicz 1907: 329]. Для того чтобы пролить на землю только дождь, планетники используют шапки «с заостренными верхушками», которыми они пробивают тучи. Тогда из отверстий на землю льется вода, которую «ветер раздробляет на капельки» [Matyas 1893: 111, 114].

После урагана планетник якобы улетает на драконе в Африку, где убивает этого гада, а его шкуру продает туземцам, таким образом зарабатывая. Убийство дракона планетником аналогично победе св. Георгия над змеем, что связывается в Ораве и на Подхале с приписыванием именно этому святому силы воздействия на погоду¹². В связи с этим, наряду с применением там заклинания: «святой Георгий, разгони эти тучи, на пустые леса, на пустые горы»¹³, образ святого воина на побежденном змее можно увидеть на рубашках лоретанских колоколен¹⁴. Победа над змеем, отождествляемым также с дьяволом¹⁵, может, следовательно, бросить здесь положи-

тельную тень и на образ планетника, который является амбивалентным. Как указывается в работах Леонарда Й. Пелки и Альфонсо М. ди Нолли, планетника иногда принимают за демона природы¹⁶ [Peřka 1987: 45-73].

С убийством дракона св. Георгием и лоретанским колоколом, защищающим от гроз и соединяющимся с убеждением горцов, что «звук толкает тучи»¹⁷, связывается гипотеза, что возможные корни противопоставления колокола молнии могут восходить к периоду противоборства между славянскими божествами – Волосом/Велесом (атрибутом которого можно считать скотский колокольчик) и Перуном, атрибутом которого является молния¹⁸.

В конфронтацию сил на оси земля–небо вписывалось также использование колокола против планетников. В этой ситуации звонили в лоретанский колокол, широко известный в католицизме и в православии, специально освященный против гроз, звук которого представляет собой молитву [Graczyk 1895: 76]. Причем звонить следовало беспрестанно, поскольку перерыв мог вызвать месть планетника и внезапное градопадение [Graczyk 1895: 76]. Подтверждает это рассказ Северына Удзели о старике, перевозящем тридцать бочек мнимого гороха. Этот дед, приговаривая «tu sceká i tu sceká i źle mi kenu wysiáć / тут звонит и тут звонит, и плохо мне кены высеять», хотел, но не мог избавиться от балласта из-за звонящих колоколов. «А это, знаете, был планетник, у которого был не горох, а град, и хотел он его на поля высеять, но колокола сильно звонили на тучи в Дунайце, в Рогожнике, во Врублювке и в Людзимеже, и звон этот разгонял тучи, и никак он не мог высеять этот град. Эй, досталось бы нам, если бы не звонили» [Udziała 1905: 81]. Колоколов, которые своим звоном, защищающим от града, говорили: «на лес! на лес! на лес!» [Ulanowska 1887: 70], планетник не выносил почти так же, как не терпели его лютки¹⁹, причем не любил он и закопанные подковы²⁰, и молнии, которые якобы специально именно в него целились. Здесь, однако, можно привести другое суждение, высказанное Оскаром Колбергом о том, что якобы планетник получает молнии от Божьей Матери и по ее приказу насылает их на конкретные места [Kolberg 1874: 49]. Автор указывает также причину, по которой планетник не испытывает симпатии к колоколам: «Планетник не любит, чтобы звонили в колокола тогда, когда он тянет тучи, потому что туча из-за звука колоколов испытывает сопротивление и становится очень тяжелой – а он ее должен тащить на лес, на горы, а те деревни, в которых звонят колокола, обходить. Поэтому также звонят и тогда, когда идут тучи с планетником. Од-

нако наши обычные колокола помогают мало; нужны такие колокола, которые не звонят по умершим»²¹ [Kolberg 1874: 49]. Запрет звонить по умершим, относится в Ораве и на Подхале к колоколам лоретанским; их звук, под воздействием которого туча становилась тяжелой, приводил иногда к ее падению вместе с планетником [Kolberg 1874: 50]. Рекомендация эта не затрагивает, однако, те деревни, где есть лоретанские колокола, и случается, что в Ораве звонят по умершим так называемые «вирхы»²². На Подхале, однако, был случай, когда лоретанский колокол, который потерял свою силу в результате требования светских властей звонить в него по случаю смерти Иосифа Сталина, вновь после вторичного освящения священником обрел свою противогрозную силу²³.

Относительно звона, защищающего от планетников, стоит добавить, что в народном представлении иногда доходило до смешения понятий и соединения противоположностей, о чем свидетельствуют размышления из романа *Grynn swipenctwует в Hanpаве (Grypa szaleje w Naprawie)* Яля Курека, где самого звонящего в колокол для разгона градовых туч называют планетником, который может ходить «по телеграфным проводам вверх ногами» [Kurek 1987: 7].

Наряду с лоретанским звоном, защищающим от грозы (по принципу конфликта с планетником), можно выделить лоретанский звон, который существует как бы в содружестве с грозой, что зависит от иного восприятия источника самой грозы. Адольф Черны в работе *Миѳические существа Лужицких Сербов (Istoty mityczne Serbów Łużyckich)* подчеркнул: «Существует мифологическая теория, в соответствии с которой гроза метафорически называлась колоколом, и поэтому колокол, как символ грозы, исходя из всеобщего верования славян, немцев и других народов, отгоняет нечистые силы, демонов и ведьм» [Czerny 1895a: 74]. Более раннее обоснование этой рефлексии (опирающейся на принцип «подобное подобному») заключается в мотиве «стягивания» язычниками с острова Волин дождя при помощи колокольчиков [Cetwinski, Derwich 1987: 187], а более позднее обоснование (здесь являющееся существенным) заключается в восприятии Бога Ветхого Завета как того, кто в гневе посылал грозы (Книга пророка Иеремии 23, 19), молнии и небесный огонь на места, особенно отмеченные в связи с нахождением в них дьявола²⁴. Звон, следовательно, в этом случае определял бы не столько непосредственную борьбу двух противоположных сил, принадлежащих, с одной стороны, предметам освященным или св. Георгию, а с другой – молниям или

планетникам, сколько сигнализировал бы об отсутствии нечистой силы в месте, охваченном звуком колокола, и подчеркивал вертикальную общность атмосферного явления грозы (т.е. «колокола») и культурного обычая звонить в колокол в данном месте с целью его защиты.

Принципы конфликта и взаимодействия характеризуют вероятность двойственного контакта человека с планетником. В связи с возможным покровительством, гарантируемым планетником, ключевой проблемой для жителей подхальянских деревень являлось пропитание пришельца. Можно сказать, что тогда изменялось отношение к лоретанскому колоколу и связанным с ним ритуальным действиям, снижались позиции грозы в месте борьбы со стихией. Приручение планетника приводило к примирению с ним и носило не мифологический, а привычный характер.

Отношения между планетником и жителем деревни могли строиться на благодарности или могли быть связаны с предостережениями планетника. Бывало, что крестьянам, которые проявляли по отношению к пришельцу доброжелательность, он подсказывал поставить на поле крестики или веточки из орешника, защищающие от града [Ulanowska 1887: 71]. Случалось, однако, что планетник применял угрозы, направленные в основном на барина, поскольку чаще планетником был крестьянин, нежели барин (ситуация эта наглядно представляет интересный аспект, связанный с необходимостью выравнивания общественного статуса). Если барин после отмены барщины не разрешал крестьянам «*posać na pańskim lesie*» / охотиться в барском лесу» [Sulisz 1906: 76-77], то крестьянин-планетник мог погубить в его пруде градом всю рыбу. В другой раз барин должен был выкупить сына планетника из войска, поскольку сбывалось предостережение крестьянина-планетника, что пока «сын будет исполнять военную повинность, барин не будет есть своего хлеба» [Siewiński 1896: 254]. А однажды планетник утопил крестьянина за то, что тот смел назвать его планетником [Matyas 1893: 112]. От гнева планетника, что подтверждает Оскар Колберг, защищает закапывание «четырёх Евангелий в яме на границах деревни или втыкание освященных пальмовых веток (в Вербное воскресенье перед службой) на полях»²⁵ [Kolberg 1874: 49-51].

Почему планетник испытывал голод? Как следует из рассказов горцев, за продажу шкуры убитого дракона в Африке планетник получал немного денег и этого заработка ему не хватало даже на еду. По этой причине он неожиданно появлялся среди людей и просил у них еду. Зачастую, как непрошенный гость, он приносил беспокойство в жизнь сельчан и вызывал у них

разные реакции, поскольку люди не знали, человек это или же фантазмагорическая фигура из дождя, которая может оказаться вестником несчастья, связанного с голодом, уничтожением урожая. Известно было лишь одно: пришелец был голоден и, если его не накормить, то он может стать призраком грядущего голода.

Неизвестно, является ли магическая сила, при помощи которой планетники отгоняют бурю²⁶, правдой или вымыслом, используемым с целью получения пропитания. Неизвестно также, будет ли собеседник, в конечном счете, одурочен или же наказан. В связи с этим среди высказываний жителей Оравы и Подхалья о планетниках можно встретить рассказы как об игнорировании их, так и об исполнении их желаний. Причем игнорирование, которое происходило, однако, редко и почиталось за смелость, порождало поздние последствия двух видов: месть планетника и связанное с ней наказание в виде уничтожения урожая или своеобразную победу над мнимым планетником, которая является доказательством его вымышленного характера и победы здравого смысла над суеверием. Эта месть и наказание, а также кормление планетника носят здесь оттенок языческих ритуалов, потому что действия эти напоминают давние, выступающие в племенных общинах приношения даров божествам с целью, чтобы те услышали мольбы людей. Законы взаимодействия человека с планетником просты: планетникам надо давать молоко только от черной коровы и яйца только от черной курицы. Этим, прежде всего, согласно рассказам горцев, планетник питается. Из литературы известны также случаи, когда планетник наедался и другими продуктами: например, брынзой и овсяной лепешкой, как в рассказе Марии Крюгер *Как Собанек планетника потчевал (Jak Sobanek planetnika gościł)*, в котором благодарность планетника за угощение помогла спасти Закопаны от затопления [Krüger 1995: 57-58]. Случаи, подтверждающие тот факт, что планетники питаются разными видами продуктов, позволяют воспринимать их не только как сказочных существ. Может быть следует отделить реальных планетников от quasi-планетников, которые пользуются славой предшественников²⁷?

К таким выводам склоняет беллетристика, хотя и она оставляет много неопределенностей, вокруг которых создается своеобразная атмосфера таинственности. Стоит привести здесь *Рассказ о планетнике (Opowieść o planetniku)* Владислава Оркана, в котором главный персонаж вместо того, чтобы вносить в жизнь людей тревогу, обеспечил себе безбедное существование, а хозяевам и их соседям – отсутствующее у них до сих пор психическое спокойствие за урожаями. В

результате люди перестали выполнять другие действия, связанные с предупреждением гроз. «Прежде они были бы охвачены тревогой, искали бы лоретанских колокольчиков, хлеба святой Агаты, муку в огонь бы бросали <...> и взывали бы с плачем всеобщим в последней надежде: “Святой Боже!”» [Orkan 1951: 91]. Между тем, они заботились о пришельце, который был очень привередливый. Яичницу ему жарили, клецки на сладком молоке из белой муки ему готовили! [там же: 88]. Мнимый планетник покинул деревню перед началом огромной грозы и тем самым, наряду с раскрытием мистификации и ощущением обмана, оставил вопрос о своей природе.

Персонаж, который в конце произведения признается, что он является только мнимым планетником, пользующимся наивностью людей, появляется в рассказе *Сын русалки (Syn boginki)* Адольфа Дугашиńskiego. В этом рассказе также иллюстрируется народная вера в планетников, которые, находясь на земле, выглядят как трубочисты, несущие веревки, а в воздухе тянут тучи на толстых веревках, дуют на воду в тучах и именно там делают из нее лед, который потом «крошат» на град или снег [Dygasiński 1952: 70-71].

Более проблемной представляется ситуация в рассказе *Планетники (Planetnicy)* Феликса Гвижджа, в котором герой Пшетак жалуется, что сплетницы из соседней деревни приклеили ему ярлык планетника, т.к. он появился в окрестности как раз в момент начала дождя. Признание это заканчивается ироническим замечанием Звырталы, что Адам Мицкевич тоже был Планетником, потому что после того, как привезли его останки из Франции, «мокрые времена настали <...> а сейчас во Франции сухие» [Gwiżdż 1986: 77]. Проблема приклеивания ярлыка планетника (т.е. присвоения кому-либо такого прозвища), повторяется в финале произведения, обеспечивая ему юмористическую тональность.

Приклеивание ярлыка планетника нормальным людям, что связано с вторичной семантизацией и с проблемой различения *планетник* – *quasi-планетник*, ввиду повторяемости мотива в беллетристике, можно принять за литературный топос. Присутствует он, в частности, в стихотворном рассказе *О Янке Планетнике (O Janku Planetniku)* Брониславы Островской, лирическом *Романе о Планетнике (Opowieści o Planetniku)* Антония Ланго и в рассказе *Планетник (Planetnik)* Анджея Немойевского²⁸. Исследования, в которых учитывается фольклорность и традиционность описываемых героев, позволяют объединить вопросы культурной антропологии с литературоведением, подтверждая обоснован-

ность выделения антропологии литературы как отдельной области исследований.

¹ Целью проведенных мной полевых исследований (в 2008 г.) была, прежде всего, разработка обрядового обычая лоретанского колокольного звона, используемого для защиты от гроз, исторические свидетельства которого сохранились, в частности, в виде лоретанских колоколен в Ораве и на Подхале. Замечания о планетниках представляют собой дополнение к этим исследованиям, которые подробно будут представлены в главе *Лоретанский звон, защищающий от гроз* в написанной мною монографии о колоколах *Литературная и культурная кампанология* (готовится к печати).

² Другие названия планетника: хмарник, облочник, облакопрогонщик, облакогонитель, исполин.

³ Это соответствует рассказам краковских жителей.

⁴ Колокольни с 1928 г., о чем, в частности, свидетельствуют даты на колоколах, возводились в деревнях: Лапшанка (где звонарь Франчишек Каполка во время звона против грозы в 1967 г. был убит молнией), Липница Велька – Мурованица и Завоя Гольня (здесь на месте старой колокольни возникла новая конструкция). См. также: [Bugajska 2001: 13]. О голоде, вызванном непогодой, который наступил в междувоенный период, вспоминал г-н Венделин Вонторчык – лоретанский звонарь из деревни Липница Велька – Скочыки. Последний раз против грозы с градом он звонил в 2005 г.

⁵ Связь эта касается в большей степени киноверсии, чем литературного варианта. В ней, ввиду того, что пелерина планетника зеленого цвета, существо напоминает Водяного. Планетник мог также иметь и белую сермягу.

⁶ Эту и много другой ценной информации на тему планетников и их связи с драконами передал мне лоретанский звонарь из деревни Хыжне – Солтысово Выжне г-н Юзеф Бугайский.

⁷ Это соответствует информации об определении лоретанскими звонарями погоды по виду туч. Информацию передал мне г-н Кароль Лысяк – лоретанский звонарь из деревни (Хыжне – Солтысово Нижне).

⁸ Кароль Матыас приводит сообщение из Новотарского района о том, что змея, которая семь лет не слышит звона, превращается в крылатого семиглавого дракона.

⁹ Стихотворение можно найти в интернете.

¹⁰ Тучи необязательно в народном воображении всегда были драконами.

¹¹ Там же. На несколько иное происхождение градовых туч, которыми управляет планетник, указывает Оскар Колберг. Согласно его сообщению, градовые тучи стягиваются планетником с Северного Ледовитого океана, а дождевые – с Черного моря [Kolberg 1874: 49].

¹² Хотя здесь можно привести двоякое народное предание из Новотарского района, согласно которому св. Георгий от страха перед громахающим чудовищем (уже после одоления змея) сидит на луне. См.: [Matyas 1893: 113].

¹³ Заклятие привел Тадеуш Светляк из деревни Зубжица Гурна.

¹⁴ Св. Георгия на драконе я нашел на двух колоколах с датами: 1785 и 1797, на колоколах XX в. находится в основном орнаментика из роз, символизирующая чтение молитвы, в частности, во время колокольного звона против гроз до прекращения ненастья. Кроме чтения молитвы, по свидетельству Юзефа Бугайского из деревни Хыжне-Солтысово Выжне, во время грозы зажигают громничные свечи.

¹⁵ Убеждение об особенных свойствах св. Георгия, атакующего дьявола из колокольни, заключается, в частности, в фривольном стихотворении, приведенном в начале романа *Дьявол на колокольне (Diabeł na dzwonnicy)* Марка Лаврыновича [см. Ławgynowicz 1998: 7].

¹⁶ Ср.: [M. di Nola 2001: 301-306].

¹⁷ Информацию об этом передала мне г-жа Анна Бандек из деревни Липница Велька – Пшыварувка. Собеседница, которая исполняет обязанности лоретанского звонаря, вспоминала, что в 2007 г. звон трижды защитил от грозы.

¹⁸ Волос/Велес был патроном скота (домашних животных), а в древней Руси существовало убеждение, что все то, что происходит от скота (в частности, навоз, шерсть, молоко), имеет способность усмирять небесный огонь, вызванный молниями. Существующим с давних времен атрибутом скота являются также колокольчики, привязываемые к шее животных.

¹⁹ Лютки – существа, похожие на гномов. Кроме этого, они пытались портить колокола [см. Czerny 1895b: 56-61].

²⁰ Рассказ о таком поверье из окрестностей Бжозова приводит Северын Удзела [см. Udziela 1904: 355-356].

²¹ Пишет об этом также Уршула Яницка-Кшивда в статье *Грозовые колокольни (Burzowe dzwonnice)*, приводя, в частности, мнение о положительной связи колоколов с планетниками – согласно ей в Бескиде Высповым думали, что звон придает планетникам сил, чтобы отгонять тучи. Автор отмечает, в частности, что колокол, по мере приближения грозы и градовых туч, становился все более тяжелым, а демоны пытались вырвать из рук звонаря веревку [см. Janicka-Krzywda 2001: 42]. Интересно, что особенную трудность звона в колокол во время грозы подтверждают лоретанские звонари.

²² Г-жа Лидия Мшал из Зубжицы Гурней подробно рассказала мне об обычае звона так называемых «вирхов»: «Во время похорон женатого мужчины звонят в костеле большим колоколом три раза «вирх» и потом бьют во все колокола. Каждый день до похорон бьют в колокол три раза, а во все колокола ударяют, когда выносят умершего и везут его на кладбище. Замужней женщине большим колоколом звонят два раза «вирх», всего таких ударов около двадцати с тремя перерывами, потом бьют во все колокола. Неженатому мужчине звонят три «вирхы» средним колоколом, а девушке – два «вирхы» средним колоколом. По ребенку звонят в малый колокол, а по новорожденному не звонят. Если умрет священник, нет «вирхов». Сразу бьют во все колокола. Колокола молчат, если человек покончил жизнь самоубийством. В

этом случае жители бегут к костельному служащему с предупреждением, чтобы не звонил, а самого умершего везут не публичной дорогой, а полями на так называемых «гноиницах» – телеге с платформой.

²³ Об этом факте рассказала г-жа Анела Телка из деревни Дзяниш, где находятся три лоретанские колокольни [см. Hera-Aslanowicz 2005: 13].

²⁴ В истории поверий имело место также то, что апокрифическое народное воображение несколько запутало проблему божьего гнева и, опуская деление на Ветхий и Новый Завет, как Бога, ссылающего громовой огонь, ввела Иисуса Христа [см. Słownik 1996: 291].

²⁵ Автор в сноске объясняет, что достаточно было закопать копии первых разделов из четырех Евангелий, завернутые в трубочку.

²⁶ Функцию усиления молитв шамана с просьбой о дожде выполняли колокольчики на шаманских барабанах у алтайских турков [см. Kałużyński 1986: 99-102].

²⁷ Из полевых исследований и информации, основанной на источниках, следует, что планетник был в большей или меньшей степени персонажем фантастическим. В деревне Ласкувка, около Барда Силезского, согласно легенде, приведенной в интернете, во время грозы появлялся, например, здоровенный человек из дождя. Планетником называли также человека, который все время находился в пути.

²⁸ Планетники в литературе [см. также: Lange 1979: 114-115; Suski 1966: 92-93; Мурынка 2001: 69-83; Matywiecki 1981: 27-29; Cywińska 1991: 8].

Список литературы:

Bugajska Z. Historia dzwonu w Gołyni // „Pod diablakiem”, nr 1, 2001. S. 13.

Cetwiński M., Derwich M. Herby, legendy, dawne mity. Wrocław: Wyd. KAW, 1987. 318 s.

Cywińska M. Planetnicy // *Cywińska M. Planetnicy*, opr. Jan Szaciłło. Białystok: WOAK, 1991. 21 s.

Czerny A. Istoty mityczne Serbów Łużyckich // „Wisła”, miesięcznik geograficzno-etnograficzny, t.IX, Warszawa, 1895a. S. 40-75.

Czerny A. Lutki chcą zepsuć dzwon // „Wisła”, miesięcznik geograficzno-etnograficzny, t.IX, Warszawa, 1895b. S. 56-57.

Czyżewicz St. Wiązanka wierszeń i przesądów ludu z okolic Buczkowa i Okulic, tudzież Mokrzysk-Bucza // „Lud”, t.XIII, red. Wilhelm Bruchnalski, 1907. S. 329-330.

Dygasiński A. Nowele i opowiadania, t.9 / red. Bogdan Horodyski. Warszawa: Wyd. Książka i Wiedza, 1952. 249 s.

Gwiżdż F. Zwyrtałowa Bacówka, z przedm. Włodzimierza Wnuka. Kraków: Wyd. KAW, 1986. 131 s.

Hera-Aslanowicz J. Dzwonienie dla Stalina // „Powściągliwość i praca”, miesięcznik katolicki wydany nakładem XX Michalitów, nr 4, 2005. S. 13.

Janicka-Krzywda U. Burzowe dzwonnice // „Spotkania z zabytkami”, 10 (176) XXV, Warszawa, 2001. S. 42.

Kalużyński St. Tradycje i legendy ludów tureckich. Warszawa: Wyd. Iskry, 1986. 205 s.

Kolberg O. Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Kraków: Drukarnia UJ, 1874. 354 s.

Kolski J.J. Jańcio Wodnik i inne nowele. Wrocław: Wyd. Radunia, 1994. 299 s.

Krüger M. Jak Sobanek planetnika gościł // Kostyrko H. Klechdy domowe czyli najpiękniejsze legendy polskie. Wrocław: Wyd. Siedmioróg, 1995. S. 57-58.

Kurek J. Grypa szaleje w Naprawie. Kraków: Wyd. Literackie, 1987. 175 s.

Lange A. Planetniki // Lange A. Rozmyślenia i inne wiersze. Warszawa: PIW, 1979a. S. 114.

Lange A. Spowiedź // Lange A. Rozmyślenia i inne wiersze. Warszawa: PIW, 1979b. S. 115.

Ławrynowicz M. Diabeł na dzwonnicy. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B., 1998. 214 s.

Matyas K. Nasze sioło. Studjum geograficzne // „Wisła”, miesięcznik geograficzno-etnograficzny, tom VII, Warszawa, 1893. S. 97-117.

Matywiecki P. Planetnik i śmierć. Warszawa: PIW, 1981. 60 s.

Мурянка П. Планетники. Кrynica: Wyd. Stowarzyszenie Lemków, 2001. 85 s.

M. di Nola A. Diabeł jako sprawca burz i nieprzyjaciel wieśniaków // M. di Nola A. Diabeł, przeł. Ireneusz Kania. Kraków: Wyd. Universitas, 2001. 406 s.

Orkan Wł. Opowieść o planetniku // Wybór nowel i opowiadań. Warszawa: Wyd. Nasza Księgarnia, 1951. S. 87-92.

Pelka L.J. Demoniczna personifikacja zjawisk atmosferycznych // Polska demonologia ludowa. Warszawa: Wyd. Iskry, 1987. S. 45-81.

Sapkowski A. Ostatnie życzenie. Warszawa: Wyd. Supernowa, 1993. 286 s.

Siewiński A. Wierzenia o Chowańcu, farmazonach, planetnikach, miesięcznikach i błędach // „Lud”, t.II / red. Kalina A. Lwów: nakładem Towarzystwa Ludoznawczego, 1896. S. 252-257.

Słownik stereotypów i symboli ludowych, t.1, Kosmos: niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie / koncepcja całości i red. Jerzy Bartmiński; zastępca red. Stanisława Niebrzegowska, Wyd. UMCS, Lublin, 1996. 439 s.

Sulisz J. Zapiski etnograficzne z Ropczyc // „Lud”, organ Towarzystwa Ludoznawczego we Lwowie, t.XII / red. Józef Kallenbach. Lwów, 1906. S. 76-77.

Suski A. Planetnik // Suski A. Utwory zebrane – poezje, opowiadania, artykuły. Oprac. Jan Szczawiej. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1966. S. 92-93.

Traczyk J. O smokach i planetnikach // „Wisła”, miesięcznik geograficzno-etnograficzny, t.IX. Warszawa, 1895. S. 75-77.

Udziela S. O przesądach i zabobonach // „Lud”, t.X / red. Potkański K., Udziela S. Lwów, 1904. S. 355-356.

Udziela S. Kilka zapisków ze Starego Bystrego // „Lud”, t.XI / red. Potkański K., Udziela S. Lwów, 1905. S. 80-81.

Ulanowska St. Wśród ludu krakowskiego // „Wisła”, miesięcznik geograficzno-etnograficzny, t.I. Warszawa 1887. S. 69-73.

HOBGOBLINS (PLANETNICY) IN BELIEFS OF THE ORAWA AND PODHALE REGIONS

Gerard Guźlak

Postgraduate Student of Literature Theory and Fine Art Department

Institute of Polish Philology

Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz, Poland

In the regions of Orawa and Podhale, among the local elders, beliefs about hobgoblins, able to bring or mitigate thunderstorm, survived up to this day. The hobgoblins are supposed to travel on clouds, perceived as dragons, and depending upon peasants' fulfillment of request for food, or failure to fulfill one, are able to either destroy or protect the harvest. This work discusses features and properties of the hobgoblins, including their relation to the Lateran ringing tradition. The hobgoblins occur also in fiction literature, which enables a discovery of the *topos* of naming ordinary people "a hobgoblin".

Key words: storm; harvest; Lateran ringing; hobgoblin; dragon; Orawa; Podhale; beliefs.